

Перевернутое небо

...Была война. Шел тяжелый 1942-й. Отброшенные от столицы фашисты ожесточенно бомбили волжские города. В одном из них, в Горьком, в Художественном музее мерзла голодная молоденькая сотрудница, недавняя выпускница местного художественного училища. Самые ценные экспонаты были эвакуированы, другие — спрятаны в запасниках. В залах, оживляемых прежде потоком посетителей, там, где когда-то звучали высокие слова об искусстве, царило теперь запустение, в анфиладах комнат стояла гулкая тишина.

В один из зимних дней сюда пришла пожилая женщина. Доведенная до отчаяния, она принесла для продажи самую ценную вещь: портрет своего отца Н. К. Евлampieва. Сотрудница музея (а это была Тамара Гусева) обомлела: подлинный Фешин. Владелица картины просила небольшую сумму, однако по тем временам она казалась непомерной. Но Гусева решила во что бы то ни стало приобрести портрет для музея. За один день обожала знакомых художников, побывала в исполкоме и горкоме партии, где ее, комсомольского вожака организации по делам искусств, хорошо знали. Ее пытались остановить: «Опомнись! О хлебе насущном, а не о духовной пище нужно заботиться сейчас». Но многие ее поняли. Нужная сумма была выделена, а Тамара Гусева отдала еще и свои хлебные карточки.

Сегодня картина Н. Фешина «Портрет Н. К. Евлampieва» упоминается во всех каталогах художника. Познакомиться с ней приезжают в Горький многие любители искусства.

Об этом эпизоде в жизни художницы Тамары Гусевой я узнала случайно от одной из сотрудниц Горьковского музея. Но как точно он характеризует и саму Гусеву, и ее творчество! Беззаветное служение искусству, бескорыстная отдача любимому делу — так можно определить суть этого человека.

— Я выросла на Волге, — рассказывает Тамара Петровна. — Закончила художественное училище, работала в музее. Там, в Горьком, в 1942 году вступила в партию. Это было тяжелое для страны время, но дух высокого патриотизма, стремление служить Родине были очень

сильны среди нас. Все тогда было подчинено одному — победе, и я не могла оставаться в стороне.

Образ Родины навсегда остался главным в творчестве Гусевой. И, наверное, не случайно основным элементом ее оформления спектакля «Царская охота» в Театре имени Моссовета стал образ России — корабля, который распростер над сценой свои крылья-паруса.

Оформляя спектакли, художница всегда исходит из чувства цвета, который видится ей при прочтении пьесы. Так, произведения И. С. Тургенева окрашены в ее представлении светлыми, мягкими тонами — в них и выдержана сценография постановки по повести «Вешние воды». Декорации спектакля в Ногинском драматическом театре полувоздушны, легки, выполнены в бело-розовых и белоголубых тонах.

Художница влюблена в то, что рисует. Будь это легкий букет цветов на окне ее мастерской, луковки церковной в подернутом дымок воздухе («Воспоминание о Левитане»), розовые ракушки — все проникнуто искренностью чувства, свежестью восприятия. Любить то, что пишешь, — вот девиз художницы.

Именно поэтому в свое время она рассталась с мультипликационным кино. Закончив художественный факультет ВГИКа, защитив с отличием диплом, Гусева пришла работать на киностудию «Союзмультфильм». И первый же фильм с ее рисунками «Сармико» получил главный приз на кинофестивале в Праге. Но даже такой успех не затмил реальности: сердце к мультипликации не лежало. И тогда Юрий Иванович Пименов, ее учитель, оппонент на защите диплома, пригласил Гусеву в Театр Советской Армии. Первые работы здесь она делала совместно с В. Зайцевой. Театралы помнят, наверное, спектакль «Всеми забытый» Н. Хикмета, поставленный в конце 50-х годов режиссером Б. Львовым-Анохиным. Выдержанные в черно-белых тонах декорации точно передавали психологическое напряжение спектакля.

Более чем за двадцать лет искусство театрального художника Т. Гусевой видоизменилось, выросло. Представленные на последней ее персональной

выставке эскизы декораций — яркое тому подтверждение. Сказалось освоение творчества замечательных художников, с которыми сводила ее жизнь: Ю. Пименова, Ф. Богородского, Г. Шегала, Н. Шифрина, А. Тышлера.

— Перечислить всех беззаветно любящих свое дело людей, с которыми сводила меня жизнь, нет никакой возможности, — говорит Тамара Петровна. — Вообще я считаю себя счастливым на встрече человеком. Огромное влияние оказал на меня мой друг и муж художник Евгений Анатольевич Распоргуев. Для него лучший час дня — его работа в мастерской, а лучший подарок ему от меня — это моя работа. Его постоянная требовательность не позволяет ни на минуту расслабиться, а его советы, меткие выражения помогают найти верный образ. Однажды он заметил: «Земля — это перевернутое небо», и эти слова я очень часто пытаюсь воплотить на холсте.

Театральные работы во многом дополняют творчество художницы в других жанрах — станковой живописи, графике. Тамара Гусева много путешествует. И где бы ни была, она всегда рисует. Потому среди ее работ пейзажи Ялты, Карелии и Самарканда, натюрморты из серии «Воспоминания о Японии». Но интереснейшее увлечение художницы, на мой взгляд, — керамика. Дома у Тамары Петровны собрана коллекция старинной посуды. И то ли любовь к собиранию, то ли присущая ей любознательность тому виной, но побочное поначалу увлечение выросло в одно из основных направлений ее творчества. Керамика Гусевой собирает у выставочных стендов особенно много зрителей. Да и не могут не понравиться простая, а от этого еще более великолепная чаша с деревянными ручками, декоративная кринка, цветы...

И все это — эскизы к декорациям, пейзажи, натюрморты, керамика — создано одним человеком, Тамарой Гусевой. Ее учитель Пименов говорил: «...Важно научиться работать...». Я бы добавила — работать талантливо. Так, чтобы в обычных земных пейзажах увидеть и почувствовать глубину, широту и необъятность неба.

О. БЕЛАН.

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
МОСКВА

13 ЯНВ 1982

№ 2